

дождевые, конвективные, кучеобразные, кучево-дождевые, ледяные, низкие, пас-
сатные кучевые, перламутровые и т. д. (183—184), что значительно экономит место. Правда, есть и отступления от этого принципа — см. статью *метод*, где стержневое слово повторяется: *генетический метод, картографический метод, морфометрический метод* и т. д. (с. 177—178).

Очень важно, что при такой системе подачи составители постоянно учитывают возможности ложного отождествления русского и чешского стержневого термина в словосочетаниях. Так, ими разграничиваются случаи *halda* — *террикон* и *halda* *úpatní* — *делювиальный шлейф* или *hladina* *mofe* — *уровень моря* и *hladina* *podzemních vod* — *зеркало грунтовых вод* (с. 152), несмотря на вполне понятный «искус» буквального эквивалентирования. Можно отметить и целый ряд других удачных решений — внимание к исконно русским и исконно чешским терминам (особенно народным) при эквивалентировании, точность графической передачи чешских слов, учет не только интересов специалистов-географов, но и потребностей практики школьного и вузовского преподавания и изучения русского языка в Чехословакии.

Не лишен рецензируемый труд и отдельных недочетов. Проблема многозначности общелитературных слов, являющихся общегеографическими терминами, авторами решена однозначно. Так, слово *hraniče* «граница» фигурирует лишь в этом значении, хотя в чешском языке оно может восприниматься и как «костер» (с. 20). Некоторый семантико-узуальный «перепад» можно отметить для эквивалентов: в русском языке — строго специальный термин, в чешском языке — более общий: *urez vody* — *hladina vody* (с. 116). При этом не всегда соблюдена «перекличка» чешско-русской и русско-чешской терминологических частей — термин *hladina vody*, например, отсутствует в гнезде *hladina* (с. 152). Включены в словарь и отдельные общенаучные, не специально географические термины типа *алгоритм, информационные потоки, теснота связей, экстремальные значения* и под. Есть и некоторые опечатки в чешском тексте. Понятно, однако, что все это — обычные мелкие «издержки» лексикографического производства, нерелевантные на фоне общей его качественности.

В советской науке давно уже географическая терминология исследуется и лексикографически описывается совместными усилиями географов и лингвистов. Монументальный «Словарь народных географических терминов» Э. М. Мурзаева (М., 1984) синтезировал плоды этих усилий. И в рецензируемом словаре народная терминология нашла отражение — ср. *блюдца, гольцы* и под. Этот материал — резерв для второго издания словаря чехословацких и советских специалистов. В необходимости и оправданности расширенного переиздания этого словаря сомневаться не приходится.

В. М. Мокиенко

Български норми на словесни асоциации / Под общата редакция на ст. н. с. Енчо Герганов. — София: Наука и изкуство, 1984. — 272 с.

Словарь ассоциативных норм во многом восполнил пробел, существовавший в болгарской лексикографии до сих пор. Издание представляет собой труд целого коллектива авторов, собравшего и обработавшего более 200 тыс. лексических ассоциаций. Словарь состоит из двух частей.

В первой части в сжатой форме излагается история исследования ассоциативных процессов со времен Аристотеля до наших дней, описана идея изучения лексики методом свободного ассоциативного эксперимента. Далее перечислены и коротко охарактеризованы имеющиеся словари ассоциативных норм различных языков, начиная со словаря Г. Кент и А. Розанова (1910) и включая словарь белорусских норм А. И. Титовой (1981).

Несомненный интерес представляет описание методики проведения эксперимента, изложение некоторых общих результатов исследования (с. 18—34). В качестве исходного материала испытуемым был предложен список из 200 слов-стимулов, сто из которых являлись переводами на болгарский язык соответствующих слов из списка Г. Кент — А. Розанова. Часть второй сотни стимулов соответствовала словам-стимулам, включенным в словарь ассоциативных норм русского языка, остальные же, как отмечено в описании методики проведения эксперимента Э. Гергановым, «интересны для социолингвистических и психолингвистических исследований болгарского языка».

В эксперименте участвовали 1000 носителей болгарского языка в возрасте от 16 до 70 лет (550 женщин и 450 мужчин), в их составе преобладали студенты и учащиеся старших классов, но были и рабочие, военнослужащие, крестьяне, служащие, медработники и др. Как и во всех подобных экспериментах, проводившихся ранее на материале других языков, перед испытуемыми ставилась задача: записать первое пришедшее в голову слово в связи с предложенным стимулом. Данные всех 10 выборов (по 100 человек в каждой) суммировались.

Особое внимание было уделено основным видам ассоциативных связей между стимулами и реакциями, выявленными в ходе обработки данных эксперимента. Предлагаемая классификация ассоциаций, основанная на известных систематизациях (В. Вундт, Д. Диз, Дж. Миллер, А. П. Клименко), учитывает специфические черты болгарской грамматики и семантические особенности лексики болгарского языка. Как справедливо замечает автор теоретической части словаря Э. Герганов, данная классификация грамматических связей стимулов и реакций (с. 39—41) является открытой системой, в которую возможны добавления и изменения.

Для подтверждения надежности полученных результатов пять произвольно

выбранных из 200 слов-стимулов (**мек, град, червено, ходя, прозорец**) были включены повторно в общий список стимулов. Правда, на наш взгляд, нельзя сказать, что проверяемая таким образом надежность результатов полностью гарантирована от неосознанного повтора испытуемым уже записанной ранее реакции, так как расстояние между продублированными стимулами не так уж велико.

Бряд ли удачным оказывается разнесение различных форм одного слова (реакций) в разные места одной статьи в зависимости от частоты словоформы. Подсчитать общую частоту, как указывают авторы (с. 23), действительно легко, но для этого необходимо проделать предварительную работу — найти все эти словоформы, на что тратится много времени.

Основное содержание второй части словаря представляет собственно ассоциативный словник, строение статей которого заключает массу полезной ин-

формации: здесь указано количество испытуемых, ответивших реакцией на данный стимул, число различных ассоциаций в словарной статье, число ассоциаций, записанных мужчинами и женщинами, частота слова-стимула в разговорной речи, а также шкальные значения слова-стимула, определявшиеся в независимом эксперименте методом семантического дифференциала Ч. Осгуда. Но наибольший интерес представляет содержание словарных статей, которые дают обширные сведения об ассоциативном значении слов-стимулов и открывают перспективы для сопоставительных исследований.

Издание такого серьезного и необходимого словаря — несомненный успех болгарских лексикографов. Несомненно, что он послужит хорошим толчком для развития психолингвистических исследований как в самой Болгарии, так и за ее пределами.

А. М. Калюта